

Евгений Блажевский

Заместитель главного редактора журнала «Новый мир», известный звукоархивист Павел Крючков сделал радиопередачу о поэте Евгении Блажевском, пригласив в собеседники поэта Ефима Бершина, близкого друга Евгения. И не случайно в самом начале беседы Павел и Ефим попытались выяснить, помнят ли сегодня одного из лучших поэтов последней трети минувшего века, читают ли его стихи. И, в общем-то, пришли к неутешительному выводу: да, еще помнят, но плохо; да, еще читают, но очень мало. Почему?

На этот вопрос когда-то в своей статье попытался ответить поэт Игорь Меламед: «Узкая» известность Блажевского (если не считать ставшего популярным романсом сонета «По дороге в Загорск...») объясняется не только спецификой жестокого и глухого времени. Женя презирал «премиальную» паранойю и гнушался угождать невзыскательному читателю».

Поэт Олег Хлебников, предвеляя предсмертную публикацию Блажевского, писал: «Литературной славы он достичь не мог — не по причине недостатка таланта... Он никогда не отличался большой ловкостью, чтобы протискиваться в узкие щели, или наглостью, чтобы открывать двери ногой...»

Сам Блажеевский говорил: «Для литературной известности часто важна маска, подменяющая собою живое лицо. Или, как теперь говорят, имидж — противное, жужжащее, как парикмахерская машинка, слово... Бессмысленно ставить телегу впереди лошади, но имидж впереди таланта можно, да еще как...».

Впрочем, Евгений и сам понимал, что его положение в литературе не соответствует уровню его таланта. И тем не менее, литературная судьба родившегося в 1947 году в Кировабаде (ныне Гянджа, Азербайджан) Евгения Блажеевского на первых порах складывалась неплохо, особенно если учесть глухое время поздних 60-х и 70-х годов. Появились первые публикации в журналах «Юность» и «Новый мир», а в 1984 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла и первая книга — «Тетрадь», 20 тысяч экземпляров которой были распроданы стремительно. Но официальным поэтом советского времени он, конечно, не стал, остался в тени. И это понятно: в советский литературный бомонд он явно не вписывался — не тот темперамент, не та тематика, не та стилистика. Поэтому следующей книги пришлось ждать одиннадцать лет: сборник «Лицом к погоне» вышел только в 1995 году, за четыре года до смерти. Любопытно, что свеженапечатанную книгу ему принесли прямо к началу знаменитого поэтического вечера в Политехническом музее, на котором Евгений, несмотря на присутствие лучших поэтов тех лет, действительно стал первой «звездой», вызвав настоящий шквал аплодисментов.

Евгений Блажеевский умер в мае 1999 года. Евгений Евтушенко откликнулся на его смерть словами: «Блажеевский оставил нам свою поражающую душевной обнаженностью и смелостью исповедь, которая, надеюсь, будет горьким, но важным уроком для будущих поколений России».

Редакция «Этажей» благодарит Павла Крючкова и Ефима Бершина за предоставленную запись радиоинтервью.

Павел Крючков. Евгения Блажеевского нет с нами уже двадцать лет. Ушел молодым, в 51 год...

Ефим Бершин. Подожди. Молодость — понятие относительное. Особенно для поэта. Понимаешь, для Жени писать и жить — было одно и то же. Если не писал — не жил. Хотя писал он обычно только осенью, в сентябре-октябре, а потом зимой — в декабре-январе. И всегда с нетерпением ждал, когда придут эти месяцы. Но тут случилось непредвиденное. Для него непредвиденное. Осень прошла — и ни строчки. Он заволновался, стал ждать зимы. И опять — ни строчки. Помню, что я был в какой-то очередной командировке, несколько недель мы не виделись, и встретились в первых числах мая в уличной кафешке у метро «Бабушкинская», где мы оба тогда жили. И я вдруг увидел, что он как-то катастрофически резко постарел и стал выглядеть намного старше своих лет. Лет на двадцать старше. Он уже не был молодым. И через несколько дней умер.

Павел Крючков. Но стихи-то с нами? Или стихи тоже уходят от читателя?

Ефим Бершин. Честно? Я не знаю. Ты понимаешь, в какое время мы живем? Мы живем в эпоху потребления при потребительской этике. Чего уж там греха таить: душу давно заменили деньгами. А стихи Жени потреблять нельзя, с ними можно жить и умирать. Поэтому вряд ли у него осталось так уж много читателей. Да и у нас, пока живущих, их тоже немного. Но читатели, безусловно, есть. И стихи его живы. Потому что, на мой взгляд, Евгений Блажеевский — один из самых значительных поэтов второй половины минувшего века.

Павел Крючков. Я хочу напомнить тем, кто нас слушает, что при жизни Евгения Блажеевского из печати вышло две его книги: «Тетрадь» и «Лицом к погоне», а уже после смерти...

Ефим Бершин. Прости, что перебил, но не могу не сказать, что первая книжка Жени «Тетрадь» вышла тиражом 20 тысяч экземпляров. Сегодня такой тираж немыслим для стихов. А еще более немыслим размер гонорара. Ах, какой это был гонорар! Помню, мы его вместе пропивали на Тверской в ресторане «Якорь» и...

Павел Крючков. Прости, теперь я перебыю. Слушателям не обязательно знать, где вы пропивали гонорар. Я хотел сказать, что после смерти Блажеевского усилиями друзей вышло еще два его сборника, один из которых лежит перед нами — «Монолог».

Ефим Бершин. Уже три. Последнюю книгу «Письмо» составил я.

Павел Крючков. Хорошо. Но согласись, что в читательское сознание поэзия Евгения Блажеевского вошла стихотворением, которое стало романсом. Его пели и поют самые разные люди: от Иосифа Кобзона и Жанны Бичевской до Александра Подболотова. Это магистрал «По дороге в Загорск» из венка сонетов «Осенняя дорога». Я напомню:

*По дороге в Загорск понимаешь невольно, что осень
Растеряла июньскую удаль и августа пышную власть,
Что дороги больны, что темнеет не в десять, а в восемь,
Что тоскуют поля и судьба не совсем удалась.*

*Что с рождением ребенка теряется право на выбор,
И душе тяжело состоять при раскладе таком,
Где семейный сонет исключил холостяцкий верлибр
И нельзя разлюбить, и противно влюбляться тайком...*

*По дороге в Загорск понимаешь невольно, что время —
Не кафтан и судьбы никому не дано перешить,
Коли водка сладка, коли сделалось горьким варенье,
Коли осень для бедного сердца плохая опора...
И слова из романса: «Мне некуда больше спешить...»
Так и хочется крикнуть в петлистое ухо шофера.*

Эти стихи стали народными в том смысле, что они оторвались от того человека, который их написал.

Ефим Бершин. Да, это великие стихи.

Павел Крючков. В знаменитом письме Осип Мандельштам писал когда-то о том, что вот уже четверть века он наплывает на русскую поэзию, пытаясь что-то изменить в ее строении и составе, мешая главное с пустьками. О том, что изменил, что пытался изменить в строении и составе русской поэзии последней трети ушедшего века поэт Евгений Блажеевский, вы, Ефим, я знаю, и писали, и думали, и наверняка думаете сейчас. Вот еще раз, как бы с чистого листа— что?

Ефим Бершин. Это вопрос сложный, потому что ни об одном поэте однозначно нельзя сказать, что именно, точно, конкретно он привнес. У нас, знаешь ли, до сих пор еще тысячи пушкиноведов никак не могут до конца определиться с тем, что привнес Пушкин. Что касается Евгения Блажеевского, я думаю, что всем своим творчеством, своей жизнью, он пытался вернуть поэзии достоинство, он пытался перечеркнуть расхожие представления о том, что поэзия — это какая-то игра. Говоря словами Пастернака, он пытался доказать, что она требует полной гибели всерьез, и доказал это своей жизнью.

Павел Крючков. Я воспринимаю Блажеевского как фигуру глубоко трагическую, хотя я видел его всего лишь несколько раз в жизни. В нем был какой-то замечательный, но ты знаешь это лучше меня, аристократизм. Вы его даже как-то назвали, по-моему, аристократом, потерявшим усадьбу.

Ефим Бершин. Да, действительно он напоминал аристократа, потерявшего усадьбу. Потому что весь внутренний его строй, все его устремления, какие-то даже привычки, они совершенно не совпадали с его возможностями всю жизнь. Наверное, с ним была какая-то затаенная, внутренняя, глубоко спрятанная память, атавизм. Насколько я знаю, часть его предков относилась к дворянству, и аристократическое сознание преследовало его в нищей, зачастую очень нищей, особенно в молодости, московской жизни. И тем не менее, бывает, человек настолько светел и аристократичен, что он может украсить собой...

Павел Крючков. ...любое пространство?

Ефим Бершин. Любое пространство, каким бы оно ни было. Еще один парадокс его характера заключался в том, что, несмотря на весь аристократизм, его почему-то время от времени тянуло на самое дно общества. Например, к бомжам. Изгой вызывали его неподдельное любопытство, и он к ним тянулся. Он им приписывал какие-то потусторонние свойства. Хотя потом сам же пугался и бежал от них. Однажды я навестил Женю в больнице, и в уборной, куда мы отправились покурить, он стал мне рассказывать, что в больницу привезли бомжа, у которого во рту живут мухи. Я не поверил. Как это мухи живут во рту? А Женька кривился от ужаса и клялся, что сам видел. Были мухи или не были — не знаю. Но строки появились тогда же:

*Познавший по окуркам все сорта
Заморских сигарет и злые мухи,
Блуждает бомж, и голубые мухи,
Как искры, вылетают изо рта.*

Павел Крючков. Насколько я знаю, у Блажеевского было довольно много друзей, и, тем не менее, еще один парадокс: у него в стихах постоянно присутствует образ волка, одинокого волка.

Ефим Бершин. Расскажу одну странную историю. В первой половине восьмидесятых я был безработным, а Женя, кажется, вообще никогда и нигде не работал. Невозможно было даже представить, чтобы он каждое утро ехал куда-то на работу. В общем, абсолютно нищего времени у нас был вагон. И мы в ту пору любили с ним гулять на ВДНХ. Там, особенно в будние дни, народу почти не было, зато работали какие-то грязные уличные кафешки с дешевым вином и вчерашними пельменями. Этого нам было достаточно. Так вот, недалеко от северного выхода там располагался небольшой зоопарк. Когда мы к нему подошли, Женя вдруг увидел, что в вольере гуляют волки. И он вдруг остановился, как за гипнотизированный, и стал смотреть в глаза волку. А тот — на него. И они так долго стояли. То ли Женя волка гипнотизировал, то ли волк — Женю. Потом он спохватился, схватил меня за руку и быстро потащил прочь. Бледный. Даже чуть перепуганный. Думаю, родственную душу нашел. Этот зверь или, точнее, его образ преследовал Блажеевского всю жизнь. Волки настойчиво прорывались в стихи, кажется, без воли поэта. Прорывались, внушая то страх — «А за стеной морозно и темно, И кажется, что где-то воют волки...», то блаженное осознание общности — «Что-то волчье есть в моей дороге...», то горделивое превосходство, обреченное понимание, что никаким волкам не под силу разделить волчью сущность его судьбы — «Беспамятство мое страшней тоски, Которую приписывают волку».

Павел Крючков. Я вернусь к теме трагичности его поэзии. Откуда она? От ощущения ненужности? Еще в 74-ом году он написал:

*А мой удел, по сути, никакой.
Во мраке человеческих конюшен
Я заклею квадратною доской,
Где выжжено небрежное «не нужен».*

Вот об этой трагичности, Ефим. Об этом надрыве.

Ефим Бершин. Скорее, основная трагедия в другом. В следующем четверостишии этого же стихотворения:

*Не нужен от Камчатки до Москвы,
Неприменим и неуместен в хоре
За то, что не желаю быть как вы,
Но не могу — как ветер или море...*

Основная его трагедия — в природном неприятии любой несвободы и в то же время невозможность достижения абсолютной свободы в том виде, как он ее понимал. «Как ветер или море». Плоть мешала. От нее он постепенно всю жизнь и избавлялся. Но это не было медленным, растянутым на годы самоубийством. Нет. Это было попыткой одолеть плоть духом.

Павел Крючков. Но это же невозможно для человека! Человек не может быть ветром или морем.

Ефим Бершин. В том-то и дело. Но физическая несвобода, замкнутость во плоти ему со временем стала мешать. Не давала до конца точно выразить то, что он хотел. Быть свободным в поэзии одновременно и страшно, и необходимо, и человек, пишущий стихи, должен сделать этот выбор.

Павел Крючков. Между счастьем и драмой?

Ефим Бершин. Между абсолютной свободой, которая грозит гибелью, и осторожным страхом, который не принесет великих стихов, скажем так.

Павел Крючков. Я обратил внимание на то, что, говоря о Блажеевском, все говорят о его особенном патриотизме. Что это было?

Ефим Бершин. Слово «патриотизм» сегодня изгадили. Все постарались: и правые, и левые, и либералы, и так называемые профессиональные «патриоты». А знаешь, что такое патриотизм?

Павел Крючков. Что?

Ефим Бершин. Патриотизм — это боль. Боль за то, что происходило и происходит в стране. И любовь тоже. Именно так понимал патриотизм Женя. Он был патриотом русского языка и русской культуры. Он жил в культуре и языке — родился с ними. Ни к каким нациям, этносам это отношения не имеет. Да и вообще, говорить о принадлежности к этносам в наше время смешно. Человек принадлежит культуре. Точка.

Павел Крючков. Ты написал несколько стихотворений. Точнее говоря, цикл стихотворений памяти его. Может быть, ты сейчас прочтешь? Нашим слушателям это будет интересно, потому что в этих стихах Блажеевский тоже отражается.

Ефим Бершин. Да, речь идет частично как раз о той самой свободе, речь идет о пустоте, о бездне, которая наполнена строками, стихами, творчеством, но которая грозит гибелью. И для Жени это было очень важно. В конце концов, в своих философских исследованиях он пришел к этой пустоте в стихотворении «Эксперимент», которое было посвящено, кстати, мне, и на которое я ответил уже, к сожалению, потом, после смерти Евгения Блажеевского. Женино стихотворение начинается так:

*Когда я верить в чудо перестал,
Когда освободился пьедестал,
Когда фигур божественных не стало,*

Я, наконец-то, разгадал секрет, —
Что красота не там, где Поликет,
А в пустоте пустого пьедестала.

Я ответил на эти стихи уже через месяц после того, как Жени не стало. И прочитать их он, увы, не мог.

Давай поговорим о пустоте,
продлавшей дыру в беспечном быте.
Недолго пребывая в пестроте
застолий и мелькающих событий,

поймешь, что арендован пустотой
на должность записного златоуста,
как арендован клен звенеть листвой,
покуда он листвой усеян густо,

как арендован ливень петь струной,
шептать и разливаться безвозмездно,
пока не взялся коркой ледяной
заросший пруд у твоего подъезда.

Приходит осень.
И пустая плоть,
ненужная, как валенки в июле,
напоминает почерневший плод,
золу в камине или след от пули.

И понимаешь, что любовь чиста,
как первый луч на мартовской мимозе,
что Родина — сквозная пустота,
свистящая, как выстрел на морозе,

что догорает тополь, как свеча,
что лист его изъеден и скукожен,
что жизнь уйдет, как воздух из мяча
уходит сквозь разодранную кожу,

что под кленовый аккомпанемент
ваятель, вдохновенный и искусный,
очищенный тобою постамент
займет твоим недоуменным бюстом,

и все расставит по своим местам:
граненый воздух — предоставит зелью,

дыханье — ветру,
голос — небесам,
все остальное — в землю,
в землю,
в землю.

Павел Крючков. И вот мой последний вопрос. Настоящий поэт своему ремеслу (не вдохновению, нет, а ремеслу, искусству стихосложения) учится у многого, прежде всего, у книг и у других поэтов. Вот мне интересно понять и подумать вместе с тобой, чему мог научить, не учительствуя, поэт Евгений Блажеевский, который, как я знаю, весьма и весьма строго относился к своей профессии.

Ефим Бершин. Во-первых, он мог научить следованию традиции, потому что полагал, что поэт без традиции — это все равно что человек, который считает себя не рожденным, а найденным в капусте. Это слова Евгения Блажеевского. Поэтому к традиции он относил все, что по-настоящему талантливо: от традиционалистов, допустим, Ходасевича до Хлебникова. Он полагал, что у нынешних постмодернистов тоже есть своя родословная, своя традиция, но у ее истоков стоит небезызвестный литературный персонаж — капитан Лебядкин. Это первое. Во-вторых, он мог научить профессионализму, потому что к своему делу относился настолько жестко, настолько требовательно, что писать рядом с ним небрежно и плохо становилось просто невозможно. Ну, а главное, чему он мог научить, так это тому, что поэзия — не игрушка, не ерничанье, не попытка развеселить публику. Поэзия, говоря словами Пастернака, «полная гибель всерьез». В каждом стихотворении нужно жить и умирать, иначе ничего не получится. Человек, решившийся писать стихи, должен сделать этот страшный выбор. Женя его сделал. А когда стихи закончились, честно умер.

*Ефим Бершин с Евгением Блажеевским,
1984-й год*